

Мария Метлицкая

Фотограф

*Часть сборника
Обычная женщина, обычный
мужчина (сборник)*

Мария Метлицкая
Фотограф

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Метлицкая М.

Фотограф / М. Метлицкая — «Эксмо», 2016

«Он приезжал нечасто, примерно раз в полгода, а то и реже. Но Васильеву было вполне достаточно и этого – гостей он не любил, а уж гостей ночующих – тем более. Интроверт, молчун, одиночка. По сути и складу – типичный холостяк. А вот надо же – женился, удивив не только знакомых и приятелей, но даже мать. Удивив и обрадовав, конечно. Та мечтала о внуках – и нате! Через пару лет получила...»

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Метлицкая М., 2016
© Эксмо, 2016

Мария Метлицкая

Фотограф

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Он приезжал нечасто, примерно раз в полгода, а то и реже. Но Васильеву было вполне достаточно и этого – гостей он не любил, а уж гостей ночующих – тем более. Интроверт, молчун, одиночка. По сути и складу – типичный холостяк. А вот надо же – женился, удивив не только знакомых и приятелей, но даже мать. Удивив и обрадовав, конечно. Та мечтала о внуках – и нате! Через пару лет получила.

Катя с матерью не ужилась – а странно! Мать была женщиной тихой и несварливой, да и Катя не из вреднюг. А все равно выходило плохо. Не грызлись вроде, не скандалили, а в доме было тревожно и беспокойно. Скандал, так ни разу и не разразившийся, грозно висел в воздухе, под низким, два пятьдесят, потолком и не давал спокойно дышать.

Катя плакала, закрывшись в ванной, а мать уходила к себе, и оттуда доносились сдержанные всхлипы. Сначала он рвался – то в ванную, то в комнату матери, распахивал двери, кричал, призывая «пожалеть хотя бы его», помириться, но выходило еще хуже.

И делить им было вроде нечего, и он был вполне нормальный сын и муж, а все равно – плохо, плохо и плохо. Если он бежал утешать жену – обижалась мать. Ну и наоборот. Были попытки посадить их рядом, друг напротив друга, перечислить взаимные претензии, обиды. Называлось это – «как у цивилизованных людей». И снова нулевой результат.

А уж после рождения Варьки... Совсем все стало плохо.

Васильев возвращался с работы и видел одну и ту же сцену – Катя в их комнате, зареванная и замученная, мать у себя – лежит, отвернувшись к стене, и сильно пахнет валокордином.

А потом он бросил попытки их мирить – надоело. Не было сил. Варька орала ночи напролет, все бестолково мотались по квартире, сталкивались – в буквальном смысле – лбами, орали (нервы уже не выдерживали, и про интеллигентность все быстренько позабыли), вырывали друг у друга Варьку, отчего та заходила еще сильнее.

В конце концов Васильев засыпал на диване в «гостиной» (проходная, тринадцать метров) с подушкой на голове. И уже не слышал ни мать, ни Катю, ни даже горластую Варьку.

Про размен их трехкомнатного «рая» в шестьдесят два метра он разговор не поднимал – боялся реакции матери. А Катюка нудила без остановки:

– Поговори, спроси, за спрос денег не берут. Ты что, так ее боишься?

Он взрывался:

– При чем тут боюсь? Она выстрадала эту квартиру, стояла в очереди тысячу лет. Сама делала ремонт, доставала мебель, ночуя в магазинах. Привыкла к району, соседкам, врачам. А тут – явилась Катя Нефедова из города Зажопинска и требует отдельную квартиру. Не жирно?

Жена сухо и по складам возражала:

– Из Но-во-си-бирс-ка, между прочим. Из города научной интеллигенции – это так, для справки, наглому и зажавшемуся москвичу.

Мать заговорила о размене первой, убив его фразой:

– Жалко тебя, сынок!

И начался размен. В ту сложную и беспокойную пору мать с невесткой почти не общались. Он бегал от одной к другой, тыча каждой в нос газетой с приемлемыми вариантами.

Мать изучала подчеркнутые красным карандашом строки и откладывала газету.

– Ну? – нервно спрашивал он. – Опять не подходит?

Мать снимала очки и поднимала на него глаза. Молчала.

И он молчал. Испытывая отчего-то невыносимый стыд и тоску. Всю жизнь они прожили с матерью. Всю! Отец умер рано, едва они въехали в эту долгожданную и выстраданную квартиру. И жили, надо сказать, прекрасно. Замечательно они с матерью жили! Мирно, тихо, не задевая интересов друг друга.

Вот тогда он начал злиться на Катю, объявив ее виновницей происходящего. И дернул же его черт! Но уже была Варька... Куда деваться?

«Как же все это отвратительно, – думал он. – Тихая и покорная Катю стала невменяемой и склочной бабой. Смотреть противно...» И снова ему с удвоенной силой начинало казаться, что «зря так все сложилось». Глупо и никчемно. Да и он слабак – не смог разрулить ситуацию и поставить своих баб на место.

Квартиру разменяли – мать осталась в том же районе на соседней улице. И это было важно. Поликлиника, приятельницы, сквер.

А они уехали в Химки, к черту на кулички.

И – чудеса! Через полгода отношения наладились. Мать приезжала по субботам, гуляла с Варькой и отпускала их в кино или в гости – расслабиться. А когда они возвращались, уже было переглажено белье и испечен пирог с капустой – Катюкин любимый. Они вызывали такси, и уставшая мать уезжала. Катюка чмокала ее в щеку и всем рассказывала, что у нее лучшая в мире свекровь.

«Чудеса, – думал он, – вот бабы! Как будто не было пяти жутких, полных взаимной ненависти лет и угробленного здоровья».

Катюка с удовольствием вила гнездо – шила занавески, перетянула старый диван и смастерила забавные колпачки на люстру. Свекрови она звонила ежедневно, обстоятельно докладывая про их дела и здоровье.

* * *

Итак, дядя Аркадий появлялся два раза в год. Статус – ближайший друг семьи. Хотя... Все это было не совсем так. Катюка рассказывала (почему-то шепотом, как страшную тайну): дядя Аркадий – двоюродный брат отца. Родственник. Ближайший. Холостой, не бедный – имел свое фотоателье. Называл себя фотографом-художником. И, наверное, не без оснований: Катюкин детский портрет – девочка с вишенкой на дачном крыльце – был и вправду искусен, изящен и необычен. Головка, склоненная набок. Подбородок – детский, сердечком, трогательный – подперла ладонью. Густая, косая челка закрывает один глаз. Второй удивленно смотрит на мир. Мир – за крыльцом, за калиткой. В углу рта на веточке – яркая, спелая вишня.

Фотография висела над письменным столом, и он с радостью замечал сходство с дочкой – тот же удивленный и задумчивый взгляд, та же густая темная челка, та же тонкая, словно нарисованная, черная бровь. Густые и короткие, щеточкой, ресницы, вздернутый нос, припухшая верхняя губа.

Дядя Аркадий приезжал обычно после отпуска, который всегда проводил в Одессе. И не с пустыми руками – сушеная тарань к пиву, огромные помидоры, пахучие маленькие дыньки, непременно – пакет черных промасленных семечек. А Варьке игрушку – куклу, красавицу заморскую, с одесской толкучки. Таких кукол у Варькиных подружек еще не было. И Катюку не обижал – духи, кофту-лапшу, джинсовую юбку с того же одесского толчка. Наверняка по бешеным ценам.

Катюка отмахивалась:

– Не переживай! Аркаша – богач. Ни семьи, ни детей – мы у него одни.

Но было как-то неловко... И Васильев как-то поинтересовался:

– С чего вдруг такая щедрость?

Катька рассказала, что всю жизнь Аркаша любил ее мать. Оттого и не женился!

Васильев пожал плечами – странно как-то... Тещу он помнил плохо – видел всего-то пару раз. Один раз на собственной свадьбе, а второй – мимолетом на вокзале. Та ехала на юг и на пару часов зависла в столице, чему он несказанно порадовался. Встретили поезд, вышли на площади, пообедали в кафе и – обратно на вокзал.

Теща была невзрачная, мелкая, суховатая. Не по-старчески – от природы. И лицо незначительное, мелкое, блеклое, какое-то усредненное, глазки, ротик-оборотик – ничего примечательного. Воробьиной породы женщина. Он даже удивился – в кого Катька, жена? Брюнетка с яркими глазами, высокой грудью и длинными стройными ногами – на это он, собственно, и запал.

Жена объясняла – в отца. Тот был известный красавец и дамский угодник. Тетки сходили с ума. А он... В удовольствиях себе не отказывал, любовниц имел без числа. К тому же главный врач районной больницы: врачихи, медсестры, больные. А от матери – чудеса – не уходил. И семью, как ни странно, обожал. Дом был полная чаша: конфеты, цветы, коньяк. А сгорел за две недели – инфаркт, и привет. Нет человека.

– Допрыгался, короче, – недобро заключила жена.

И Васильев тогда понял, что в семье было все непросто. Катька остро переживала отцовские загулы. Любила отца и ненавидела одновременно. Что ж, бывает и так.

Дядя Аркадий, брат отца, вдову брата не бросил – Катька тогда уже пребывала в Москве. А когда мать заболела, все тяготы взял на себя, не ее, кстати, родственник. Оплачивал сиделку, приносил рыночные продукты, выгуливал ее в больничном дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.